

У богатых свои причуды. Мультимиллиардеру Николаю захотелось удивить свою молодую невесту необычным подарком — мемуарами о собственной жизни. И для их написания он нанимает литератора Льва Стасова. Льву интересно, почему такой богач не может подарить своей возлюбленной какую-то дорогую побрякушку? Тем более что в сейфе у Николая спрятана уйма старинных драгоценностей. Среди них даже перстень, который, по легенде, принадлежал самой Марии Медичи. Но в одно прекрасное утро драгоценности исчезают. А с ними — и молоденькая невеста богача. Однако не стоит забывать, что история знает много примеров, когда потерять — гораздо лучше, чем найти.

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-6897-5

9 786171 268975

НАТАЛЬЯ КОСТИНА

Найти, чтобы потерять

НАТАЛЬЯ КОСТИНА
*Найти, чтобы
потерять*

*Найти, чтобы
потерять*

НАТАЛЬЯ КОСТИНА

*Найти, чтобы
потерять*

УДК 821.161.1(477)
К72

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки Алексей Безруков

ISBN 978-617-12-6897-5

- © Костина-Кассанелли Н., 2019
- © DepositPhotos.com / vicnt2815, Baloncici, destinacigdem, обложка, 2019
- © Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

Вы думаете, всё так просто? Да, всё просто. Но совсем не так.

Альберт Эйнштейн

История умалчивает о многих историях.

Юзеф Булатович

Сегодня, сейчас. Разговор о бумаге, или Скорее рано, чем поздно

Я не думал, что буду так скучать по ней. И вспоминать даже чаще, чем Киру, которая — она таки была права, эта сидящая сейчас напротив женщина, — от меня ушла. Кира меня бросила, как и предсказывала Светлана Владимировна — Светочка, Лючия, Серый Волк, Светка-зараза, которая напророчила, накаркала, сглазила... Или же она просто была права с самого начала? Мы изначально оказались несовместимо разными? И все остальное выросло именно отсюда? А вовсе не потому, что я привык жить по-своему, а Кира совсем иначе? Да и, кстати, — нет, вот уж совсем некстати! — мы оба были лидерами, то есть людьми, непреклонными в своих заблуждениях. Что и доказали друг другу многократно.

Мы прожили вместе чуть более полугода, и... да, Светочка, да! Все произошло так, как ты и предрекала! И еще: по твоему лицу понятно, что ты наверняка уже все о нас знаешь. К тому же это твое любимое занятие — все знать. Увлечение, хобби, работа, коллекционирование, процент на старость... которая тебе пока не грозит, о нет! Поскольку ты очень успешно сопротивляешься ее малейшим поползновениям: изо всех сил стреляешь глазами и принимаешь изящные позы. А еще ты дефилируешь на невообразимых каблуках, не отстаешь от моды — вернее, всегда движешься на шаг впереди; ты тестируешь все новинки косметологии — от кремов с черным трюфелем до масок с черной же икрой, — затягивая свое упорствующее и не сдающееся диетам тело в то, что тебе к лицу. Да, дорогая моя Светик, на тебя приятно взглянуть — если бы все не портило невинно-паскудное выражение твоего лица! По которому быстро и ясно считывается не только ежом, но даже

и дикобразом: меня ты встретила ну совершенно случайно! Мать ты ехидна... забредшая в район, куда в жизни не заходила, и сидящая здесь за напитком такого качества, от которого у тебя даже последняя горничная отвернется. Но, честно говоря, я и сам не пойму, что тут делаю. Почему с упорством, достойным лучшего применения, я сюда прибредаю? Наверное, это своего рода епитимья. Наказание, наложенное на самого себя. За Киру. За наши глупые склоки. За ее слезы. За мои едкие слова, говорить которые я так хорошо насобачился... Да и за тебя, Светка, тоже, если уж подписывать чистосердечное...

— О, кого я вижу!

— Привет, — отвечаю я, плюхаясь рядом. — Откуда ты тут?

— Проездом со слета джедаев! — прямо отвечает бывшая мадам Серый Волк. — А тут портал открылся по ошибке... — Она небрежно болтает ложечкой в чашке, но меня не проведешь. Я знаю, что она явилась по мою душу. Или же я сам так часто о ней думал, что она в конце концов материализовалась?

— Не пей — козленочком станешь, — откровенно предупреждаю я, обеспокоенный видом и запахом напитка в ее чашке. Что это ей такого набодяжили?

— Стасов, ты что, до сих пор сказки пишешь? — Серый Волк игнорирует мое предупреждение и жмурит свои зеленокарие глаза. — Да, кстати, я твою книжку купила... сказки то есть. И была неприятно удивлена! Почему это Серый Волк у тебя а: мужик и бэ: такой малопривлекательный персонаж?

— А ты думала, я его с тебя спишу? — в свою очередь удивляюсь я.

— Я думала, что ты мыслишь нестандартно! — Она все-таки решает отведать заказанной бурды, делает глоток и морщится.

— Я абсолютно банален. — Я смотрю на мадам с сочувствием, но старательно задвигаю его в самый дальний угол, стараясь ничем себя не выдать, — да потому что это же Светка! Если ей хотя бы показать палец, она оттяпает и все целиком. Вытряхнув попутно и то, чего ты не стал бы рассказывать даже семейному психологу. И даже выпивши. Даже все-все выпивши.

— Слушай, — говорит она и отпихивает чашку на безопасное для здоровья расстояние, — зачем ты сюда ходишь? Разве

это кофе по-венски? Это же что-то невозможное! Это... я просто приличных слов не нахожу!

— Дорогая моя, и не надо их искать! Такие слова тебе не к лицу, — с прекрасно различимым злорадством говорю я. — И потом, кто тебе сказал, что я хожу сюда ради кофе? Тем более по-венски?

— А зачем тогда? Сюда что, еще и лучшее в мире божоле привозят? И ты спешишь отметить, чтобы не упустить момент? Пишешь номерок на ладони химическим карандашом и внимательно следишь, чтобы тебя не обскакали бодрые местные аборигены, подсевшие на божественный нектар после портвяхи? Пардон, месье, но вас тут не стояло! — фыркает она.

— Может, я захаживаю, чтобы набрести на хороший типаж, — огрызаюсь я. — Или мне, в отличие от тебя, здесь все нравится!

— Щас! — Светлана Владимировна, она же Серый Волк, хватает своей когтистой лапой мою чашку и сначала сует туда свой любопытный нос, а затем делает глоток. — Еще хуже, чем мой! — припечатывает она. — Я думала, может, тебе тут хороший варят... как заслуженному деятелю культуры! А у тебя и вовсе какашки летучей мыши, причем позавчерашние!

— Выбирайте выражения, мадам! — Я пробую обидеться и мямлю: — Просто он уже остыл!

Мой кофе в самом деле безнадежно остыл — да и я сам тоже потерял запал... И мне даже не интересно, зачем она все-таки явилась, — та, которая могла бы купить все здешнее заведение вместе с его разбавленным кофе и с неопрятным хамоватым бариста. Купить, нисколько не напрягаясь финансово. Походя, так сказать... как я — плавленый сырок и кефир в супермаркете неподалеку. Хотя зачем Светлане Владимировне может понадобиться этот недобитый общепит — вот в чем вопрос?

— Знаешь, на самом деле большинство не отличает хорошего от плохого, — примирительно бормочу я. — Люди не различают ни настоящего кофе, ни вина... и настоящая литература им тоже ни к чему. Что сейчас читают?..

— Твои сказки! — веско вставила моя собеседница. — На каждом углу! Хит сезона!

— Разве? — удивляюсь я. — Мне кажется, на каждом углу читают Пауло Коэльо...

— Даже не сомневайся! — уверяет меня Светлана. — Ты впереди! Вон, кстати, девица за столиком у окна... и она тоже!

Я недоверчиво разворачиваюсь всем телом и пялюсь: действительно, девушка весьма приятной наружности читает мою книгу!

— Это лишь подтверждает сказанное, — бурчу я, не желая сдаваться. — Что я прав и толпа не может состоять из дегустаторов! Людям все равно, что пить и что читать. Все красное, например, для подавляющего большинства на один вкус, и все книжки — просто бумага... И мир не принадлежит гурманам и романистам, что бы они о себе ни воображали!

— Ладно... философ! Пусть так! И выходит, я искала тебя как раз затем, чтобы поговорить о «просто бумаге», — насмешливо фыркнула та, которую я привык называть Серым Волком.

— Только не намекай, что ты хочешь снова пригласить меня вести мастер-класс или, не дай бог, расследовать убийство!

— А что не так было с мастер-классом?

— Ты еще спроси, что не так было с убийством! Которое плавно вытекло как раз из этого самого мастер-класса!

— По-моему, у тебя началась мания величия! — бросила она. — И если тебя не интересует хорошо оплачиваемая и не слишком утомительная работа на всем готовом... Что ж, я скажу ему, что мы не договорились!

— Не надо изъясняться загадками! Какая такая работа и кто этот он?

— Твой старый знакомый Николай Николаевич. Помнишь такого?

Разумеется, я помнил! Более того, на память о знакомстве с этим Николаем Николаевичем (он же прыткий старикашка Ник Ник, а также вдовец, похоронивший пять жен, олигарх, спортсмен и эт цетера, эт цетера) у меня остался шрам на голове, по которой сей джентльмен меня огрел, приняв за террориста, покушавшегося на его драгоценную жизнь. Шрам был также памятью о Кире — это она накладывала шов почти

год назад. Тогда мне казалось, что мы не расстанемся больше никогда... И мы расстались.

— Да, — почему-то севшим голосом подтвердил я. — Помню.

— Он попросил меня передать тебе большой привет, а также пожелание, чтобы ты, как мастер пера, на него поработал. За очень солидное вознаграждение. Сумма не озвучивалась, но он просил, чтобы ты ему позвонил. — Света щелкнула замком сумочки и достала визитку. — На. Звякни, как выбе-решься из этого вертепа.

Она, вероятно, хотела добавить еще что-то, но, видимо, мое лицо не слишком располагало к дальнейшему общению.

— Спасибо, — запоздало сказал я ей уже в спину.

Сказал, потому что благословлять руку дающего нужно всегда, особенно в тех случаях, когда ты еще и виноват перед этой рукой. А я был виноват. Я некрасиво расстался и с этой женщиной тоже. И много раз хотел ее увидеть, чтобы извиниться. Увидел и... не извинился. И, похоже, снова ее обидел. Хотя бы тем, что показал себя снобом и неблагодарной скотиной. Мог бы расспросить, поинтересоваться, все ли у нее в порядке! Да, пустой треп — но так делают все воспитанные люди! Все, кроме меня.

— Увидимся!.. — совсем уж вдогонку бросил я, не уверенный, что она расслышала, ведь проговорил это скорее для успокоения собственной нечистой совести, чем действительно желая еще одной встречи. — Увидимся... — повторил я еще раз, совсем самому себе. — Когда-нибудь увидимся... но скорее поздно, чем рано!

В этом, как и во многом другом, я также, увы, ошибался. В следующий раз мы увиделись — и скорее рано, чем поздно.

***Сегодня, сейчас. Ни холодно ни жарко,
или Кактус, которому не привыкать***

— Здра-а-авствуйте, Лев Вадимович! — Меня приветствовали даже не как старого знакомого, а скорее как друга. — Очень рад, очень рад!

Я растерянно ответил на вопросы о здоровье, затем озвучил свои творческие планы... Зачем? А затем, что меня об этом спрашивали так отечески ласково и таким голосом, каким умеют разговаривать лишь типы вроде Ник Ника да главные редакторы, когда им кровь из носу от тебя что-либо нужно. Причем нужно именно им, а вовсе не тебе!

— А что, если нам вечером встретиться? Светлана... э-э-э... Владимировна ничего вам не передавала?

— Большой привет! — неожиданно развеселился я. — Светлана Владимировна передавала мне большой привет!

— Однако кроме приветов у меня к вам, Лев Вадимыч, предложение... от которого вы, надеюсь, не откажетесь! Да, весьма и весьма надеюсь!

— Какого же плана предложение?

— Надеюсь, оно вас заинтересует! — гнул свое владелец загадочного предложения, передавший мне привет, и даже большой. — Но очень не хотелось бы по телефону! Не отужинаете ли со мной сегодня?

То, что я видел сегодня за окном, не предвещало ничего хорошего: конец августа, типовая бетонная застройка, изнемогающая от тотальной летней жары, и невнятные грядущие перспективы — то ли книгу почитать, то ли кино посмотреть. Или же все-таки отправиться за покупками в ближайший супермаркет, потому что иначе и книгу, и кино мне предстояло употреблять на голодный желудок. Который, то есть желудок, на слово «ужин» отреагировал внезапным, но, пожалуй, предсказуемым энтузиазмом.

— Хорошо! — согласился я. — Где и когда?

— Прекрасно! Прекрасно! — обрадовался мой собеседник. — Часиков этак в семь вас устроит? И, если вас не затруднит, Лев Вадимович, я бы хотел осуществить нашу встречу не в городе, а в известном вам месте. Вы же человек свободной профессии?

— Безусловно! — поразмыслив не более секунды, подтвердил я.

Я был человеком весьма свободной профессии — писателем. Написавшим, кроме тех самых сказок, коими, если доверять комментариям Серого Волка, а также статистике, сейчас дей-

ствительно зачитывались все, еще и чертову кучу детективов. Читать же сегодня вечером — или смотреть — я собирался во все не детективы, не к ночи они будь помянуты! Я был намерен либо расширить кругозор литературоведческими изысканиями, либо побаловать себя документальным кино о странах дальних и не очень. Путешествия и литература... литература и путешествия... Если забыть, что путешествую я в основном, сидя на диване, а литература, производимая мною, — большей частью чтиво о похождениях супермена Макса, то я мог даже показаться более приличным человеком, чем являлся на самом деле! В жизни же я был невыносимым неряхой, безалаберным и скучным типом, занудой и самоедом, которого бросали женщины, и отнюдь не в результате повальной бесполезности в плане ведения совместного хозяйства — скорее, я был бесполезен в человеческом плане... именно это в последние три месяца, когда я снова остался один, огорчало меня больше всего.

— Тогда уделите мне толику вашего времени... и, если позволите, — разливался соловьем Ник Ник, — я также могу предложить вам провести здесь выходные. Вы прекрасно знаете это место, — вдруг веско проговорил зазывающий меня на ужин с уик-эндом магнат. — Да и погода чудесная... замечательная! Все замерло в предвкушении последних мгновений лета! — неожиданно весьма поэтически выразился он и прибавил: — Не жарко и не холодно... чисто в раю!

С высоты одиннадцатого этажа я взглянул на свой личный, обозреваемый далеко окрест рай: отнюдь не эпическая картинка! Шестиполосная магистраль под самыми окнами, замирающая разве что глубоко ночью; чахлый ряд высаженных весной вместо незнамо зачем истребленных отцами города пирамидальных тополей жалких прутьев с порыжевшей неидентифицируемой листвой да такие же унылые, как и мои собственные, апартаменты неудачников, простирающиеся до самого горизонта, непоэтически перемежаемые массивами угрюмых жестяных гаражных коробок. Да, странные типы могут радоваться открывающемуся пейзажу, проживая в таком месте! Или же, в отличие от меня, не умеющего ценить простые радости жизни, они считают себя людьми счастливыми

и удачливыми: гордыми владельцами жилья в городе, да еще и рядом с метро? Честные восемнадцать или даже двадцать два метра полезной площади! А ежели проживаешь один, то и в самом деле рай! Вода холодная, вода горячая — да ладно, выключили — не зимой же ее выключают, а летом! И включают же в конце концов? И пусть не через месяц, как было обещано, а только к концу августа... Как не включили?! Ах, у вас лично не включили? Так мы включали, но вы же сами жаловались, что прорвало! Вот и выключили! Что значит — не занимаемся? Очень даже занимаемся... в порядке очереди! Не у вас одного прорвало! Заявление надо писать! Писали? Раз писали, значит, починят! Что значит — когда? Когда очередь подойдет! И вообще, зачем вам горячая вода в августе месяце, в такую жару? Ну, если приспичило, в кастрюльке нагрейте и мойтесь себе на здоровье! Или в баню сходите. Полезно для здоровья. Да вы на меня не кричите, что значит — сами идите в баню?! Будете орать, вовсе из списка вычеркнем! Да и отрежьте, и заводите бойлер сколько хотите! Хоть два бойлера, если денег не жалко! И вам не хворать!

— Угу... — сказал я в трубку, непроизвольно вспоминая прекрасную ресторанный кухню, лес, озера, буколические окрестные пейзажи — когда не холодно и действительно не жарко... И можно побродить по ухоженному, больше напоминающему парк лесу, вместо того чтобы прислушиваться каждую минуту — не раздастся ли звонок в дверь: вдруг Кира? Которая забыла забрать что-нибудь... меня, например! И которому то холодно, то жарко от никак не отпускающих воспоминаний...

— Так я пришлю за вами машину?

— Очень обяжете, — ответил я церемонно. — Собственной пока не обзавелся.

До того как меня должны были любезно вывезти на природу, к лесам и долам, времени оставалось достаточно, однако собираться я почему-то начал немедленно и весьма капитально, будто намеревался провести во владениях Светы-Лючии не два дня, а по меньшей мере месяц. Или же я просто боялся ударить в грязь лицом — о, эти постоянно производимые моим извращенным писательским мозгом каламбуры! — ведь

я уже однажды ударился лицом в грязь в присутствии Ник Ника, и отнюдь не фигурально!

Я собрал в саквояж самое приличное, что имел; загрузил также и ноутбук — мало ли, вдруг придет в голову гениальная идея, не на манжетах же ее записывать, в конце концов? Тем более что белых сорочек в моем гардеробе раз-два и обчелся! В основном я ношу черное... оно практичнее, особенно в отсутствие горячей воды!

— Остаешься за главного! — приказал я кактусу, подхватывая сумки и окидывая прощальным взором свое окончательно разоренное однокомнатное хозяйство. — Я ненадолго. Всего на два дня. В крайнем случае вернусь в понедельник!

Кактус, мой единственный, но надежный домашний друг, смотрел на меня с подоконника скептически. «Ну-ну, — будто говорил он. — Посмотрим! Хотя мне не привыкать... мне вообще тут без тебя ни холодно ни жарко! Поливаешь ты меня дай бог чтобы раз в месяц, вниманием также не балуешь... а я расту себе и расту! И даже процветаю! Чего и всем желаю. И даже тебе, хотя ты так себе человечешко... не лучший экземпляр!»

— Два дня! — еще раз пообещал я и захлопнул дверь.

Я и не предполагал, что вернуться сюда мне придется через гораздо более длительный срок.

Сегодня, сейчас. Полное дежабю, или Я согласился

— Очень рад! Очень!

— Прекрасно выглядите! — не кривлю душой я.

Николай Николаевич, которого я почему-то запомнил совершенно другим и который в моем внутреннем реестре памяти проходил под ником «прыткий старикашка», встречает меня, сияя. Он явно помолодел — или же это наконец подействовали его хваленые специальные витамины, которые он принимает сразу по четыре штуки? Ну и, в отличие от меня, он и по утрам бегаёт, и гимнастикой занимается, и в гольф играет... Это я, лентяй, просидел все лето взаперти и поэтому вял и бледен, как холодные вчерашние макароны! Ник Ник же

бодрый, загоревший, спина у него прямая, а на подтянутых щечках — здоровый румянец.

— Прощу! Вы, наверное, проголодались... с дороги?

И с дороги, и от местного свежего воздуха, которого здесь явно в избытке, а еще потому как единственное, что я употребил сегодня, — дрянной кофе в той самой забегаловке, где меня поджидала в засаде Серый Волк. Пообедать я за сборами и приведением себя в порядок не успел, да и в холодильнике со времени ухода Киры, если честно, постоянно было шаром покати... зато я похудел! И у меня напрочь пропал наметившийся было животик... хотя под слоем жирка весьма явственно различимое сейчас бурчание наверняка не было бы таким нахальным! Я смущенно кашляю, чтобы скрыть этот нелицеприятный факт, и усаживаюсь за столик.

— Я не вегетарианец! — сразу же предупреждает пригласивший.

— И слава богу, — одобряю я.

— Знаете, в моем возрасте весьма важны животные аминокислоты, — вещает Ник Ник. — Что бы ни утверждали йоги, как только я перехожу на чисто растительную пищу, сразу начинаю чувствовать себя хуже! Мужчина, особенно репродуктивного возраста, не должен иметь дефицита ни в чем, тем более в строительном материале для новых клеток!

Я почти не поддерживаю разговор о репродуктивном возрасте мужчины, поскольку издавать членораздельные звуки мне мешают крайне значительные выделения из слюнных желез... видимо, у них недостатка в строительном материале не ощущается.

— Вы, наверное, удивлены, почему я позволил себе оторвать вас от работы и не предложил, например, встретиться где-то в более удобном для вас месте... — разливается красноречивый финансовый бонза. — Однако я взял на себя смелость передать вам со Светланой Владимировной визитку, и, поскольку вы так быстро и любезно откликнулись...

Я впиваюсь зубами в отнюдь не вегетарианский шмат неизвестного происхождения — впрочем, я сам же его и выбрал в поданном меню, не имея даже понятия, что такое это самое

«конфи». Мне понравилось звучное название, хотя оно вполне могло воплотиться в ту самую неодобряемую нами с Ник Ником вегетарианскую гороховую котлету. Но мне повезло — вкус божественный и явно не фальшивого зайца. Я стараюсь не думать о том, что, если бы изучал меню более пристально, точно хлопнулся бы в голодный обморок, и наслаждаюсь моментом, потому что мясо нежнейшее и просто тает во рту. Я силюсь не заглатывать его неприлично быстро, отрезаю по чуть-чуть, услаждая организм изысканным вкусом и тонким букетом каких-то неведомых приправ.

— Вы не возражаете, что мы начали прямо с горячего? — вдруг спохватывается Ник Ник. — Разумеется, сначала должны были идти холодные закуски, но я не сторонник набивания желудка чем попало... или все-таки нужно было начать хотя бы с супа?

Я мычу что-то одобрительно-успокоительное и усердно киваю, соглашаясь, что все просто прекрасно.

— Однако суп я ел в обед... и если съесть весь обязательный набор, то как я потом совершу свою обязательную вечернюю прогулку? Но если вы, дорогой Лев Вадимович, предпочли бы все же начать с закусок или супа... я приношу свои искренние извинения! Кроме того, это же не формальный банкет, а, так сказать, неформальный ужин в приватной обстановке, и я пригласил вас, чтобы...

Я внезапно впадаю в какое-то странное состояние: мне кажется, что мы с Николаем Николаевичем уже сидели однажды за этим же столиком, и так же догорал закат за окнами, и цвели алые, белые и кремовые розы, и горели свечи в зале, и звучал рояль... и дрожал в красном вине отблеск, словно зрачок сказочного дракона... И угадывался огромный лес вокруг; и вода внизу, под горкой, принимала в себя свет первой звезды и выстилала шелком лунную дорожку... Вода, запах которой чувствовался даже здесь, в кондиционированном насквозь воздухе, под испарениями изысканной гастрономии угадывалась все та же глубь ледяной озерной воды... Воды, которая до сих пор хранила тайну: не до конца мной раскрытую, пропавшую вместе с женщиной, исчезнувшей год назад; воды,

которая сама была информацией. И она хорошо знала, что я уже был тут, эта вода! И все, все это уже тоже было! И ненавязчивый блюз вкупе с навязчивым бормотанием моего визави, и розы на столиках, и дамы в вечерних туалетах... Вот сейчас откроется дверь и войдет Светлана!

Дверь отворилась, и вошла... Светлана! Мне даже показалось, что на ней было платье, которое я знал... и которое я когда-то с нее снял — нет, содрал в приступе необузданной, животной похоти... Все, все это со мной уже было! Дежавю было настолько полным, что я оцепенел. Я упал, провалился во временной колодец, полный воспоминаний, образов, прикосновений, запахов, звуков, разговоров... И даже время было почти одно и то же! Состояние природы, излет лета, неизбежное дыхание осени... И неужели, если я сейчас встану и поднимусь по хорошо знакомой лестнице и сверну налево, в конце коридора будет комната, а в ней — Кира?!

— ...огромное вам спасибо, Лев Вадимович, что вы согласились! Мне чрезвычайно нравится именно ваш стиль изложения, и я просто не представляю, чтобы за эту работу взялся кто-то еще...

— Что? — тупо спросил я. — Я... согласился?!

— Ну... если честно, вы только что дали свое неоднозначное согласие! То есть я так это понял... — растерялся тот, кто некогда огрел меня по голове невыясненным предметом, после чего я отключился и пролежал на земле час. Сейчас он ничего такого не делал, но я, похоже, отключился и без физического воздействия... и весьма надолго! Потому как передо мной уже была не тарелка с так до конца и не проясненным конфи и салатом. Вино также было... прибрано?... выпито мной?... Я устался прямо в дымившуюся чашку благоухающего напитка, с тем же названием, что и заказанный мною утром в другом месте, словно ответ надлежало искать здесь. Но в чашке не было никаких ответов. Только кофе... Кофе... странная штука... ведь это также лишь набор букв, только название! И, кроме всего, то, что стояло передо мной сейчас, и то, утреннее, даже не были родственниками — хотя и назывались одинаково! И точно так меня утреннего со мною вечерним связывало

лишь звучание имени... хотя при этом я, который почему-то отсутствовал неизвестно где, уже успел на что-то согласиться!

— Ну, я имел в виду принципиальное согласие, — попытался выкрутиться из неизвестно чего я. — В принципе... да, я думаю, это осуществимо...

Женщина в сером струящемся шелке подошла ближе, словно намереваясь присоединиться к нам, и даже повернулась ко мне лицом... и... Никакая это была не Светлана! И время было не то — не осень, нет! Лето пока и не думало сдавать позиций. Просто внезапный холодный вечер сыграл со мной шутку: вечер, в который человеку с воображением может померещиться что угодно. Да, время и место были почти те же. Почти! Но только я уже был не тот... совсем не тот, что прежде!

Сегодня, сейчас. Хроническая соба, продавшаяся в рабство, или Убеждения, засунутые в карман

— Голубчик мой, Лев Вадимович, хоть сегодня выходной и я пригласил вас отдохнуть, давайте все же обговорим детали. Мне, знаете ли, не терпится, а к числу моих добродетелей не принадлежит откладывание на потом!..

Вчера она все-таки появилась — та, которую я одновременно хотел и не хотел видеть. Мелькнула издалека — наверное, для того, чтобы удостовериться, что не сбежал, как злорадно подумал я. На владетельной Светлане Владимировне не было никакого струящегося шелка. Света-Лючия была обряжена в банальный брючный костюм а-ля Ангела Меркель. И сидел он на ней примерно так же, как и на знаменитой немецкой канцлерше — словно надетая на торопливой примерке и неизвестно по какой прихоти оставленная в гардеробе случайная вещь. Кургузый мятый льняной пиджачишко топырился на зад, не скрывая обширных бедер, а в груди и животе был явно тесноват. Светочка метнула в меня взгляд и тут же отвернулась. Что еще за тайны мадридского двора? Чего она от меня ожидала? Надеялась, что я выкину какой-то непредвиденный фортель? Или же, наоборот, волновалась, что я слишком покладист, смиренен и готов продать себя задешево?

— ...когда будете готовы, зайдите ко мне! Мой секретарь уже подготовила договор, изучите... Если надо, дополните — и подпишем! Я вас не разбудил? — вдруг спохватился тот, которому не терпелось так, что он уже и секретаря в выходной день напряг, и утреннюю пробежку наверняка совершил наспех... в отличие от меня, который не торопился насладиться природными красотами и свежим воздухом и до сих пор валялся в постели.

— Здесь удивительно хорошо спится! — Я злорадно понадеялся, что этой фразой поставил Ник Ника в тупик: то ли я еще сплю и он меня действительно разбудил, то ли это просто похвала местному комфорту?

— О, прошу прощения... собственно, у нас весь день впереди... даже два! Наслаждайтесь отдыхом... Успеется!

Значит, все-таки решил, что разбудил! Я не знал, зачем играю на струнах чувствительной души пятикратного вдовца, чьи молодые и красивые избранницы, едва выйдя замуж, одна за другой покидали наш бранный мир. Причем покидали его отнюдь не насильственным путем: автокатастрофа, теракт, несчастный случай и даже цунами, как помнится!

— Вообще нет, что вы! Как можно спать в такое чудесное утро!

— Я очень рад, что вы тоже жаворонок! Думаю, это также подтверждает, что мы прекрасно сработаемся! Терпеть не могу терять впустую самую продуктивную часть суток!

«Как же, жаворонок, — уныло подумал я. — Хроническая сова! Наверное, потому я и стал писателем, чтобы не вскакивать ни свет ни заря и не нестись в какой-нибудь офис или проектный институт». Однако вчера я внезапно совершил неожиданный ход и продался в рабство. Рабство литературное, которое вдобавок, как сейчас оказалось, будет начинаться, едва из-за горизонта выглянет розовоперстая Эос!

— Но сегодня и впрямь... э-э-э... выходной! Поэтому я вас не тороплю! Не тороплю! Вы в гольф не играете?

— Нет, не играю, — ответил я вежливо, хотя он вчера спрашивался о том же самом как минимум трижды.

Видимо, Николай Николаич никак не мог смириться с тем, что кто-то может быть не жаворонком, к тому же равнодушным

к элитной забаве. Или гольф — это спорт? Черт возьми, кажется, я что-то упустил в жизни... и почему мой Макс до сих пор не играет в гольф?! Это просто неприлично! Макс, неизменный герой моих более чем тридцати книг, занимался чем угодно: серфингом, сплавом по бурным рекам, горными лыжами, большим теннисом — никаким не пинг-понгом, боже упаси! — но отчего-то не играл в гольф! Супермены не могут не играть в гольф! И если я до сих пор не имею никакого понятия о сей забаве богатых и знаменитых, не это ли случай все исправить?

— ...но хотел бы научиться! — добавляю я, и он тут же расцветает:

— Буду рад стать вашим первым наставником! Может быть, начнем сегодня... ну, хотя бы после обеда?

— Почему бы и нет? — покладисто соглашаюсь я. — Там же можно заодно и посмотреть... подписать?

— Нет, не нужно, — осторожно останавливает меня мой новый владелец, работодатель и барин, уже приготовивший по мою душу купчую крепость. — Разрешите дать вам совет, Лев Вадимович: никогда не путайте отдых и работу и не подписывайте ничего наспех!

Сказать ему, что ли, что я и в редакции ничего не читаю, а подмахиваю с ходу, едва успев плюхнуться напротив своего драгоценного редактора? Мне тычут пальцем, и я тут же ставлю свой залихватский автограф, потому что попросту не способен переварить все эти параграфы, пункты и подпункты, форс-мажоры и штрафные санкции. Обязательства сторон и смертную казнь в случае завала сроков? Две недели — лишение чести и достоинства. Месяц — порка розгами. Три — удушье в темном углу. Полгода — прилюдное четвертование с принудительной явкой остальных членов писательской гильдии и одновременная конфискация всего имущества, включая кактус.

Неизвестно, с какой стати, но Ник Ник явно мне благоволит, желая быть и патроном, и наставником, и добрым дядюшкой в одном лице. Интересно зачем? И не кроется ли тут что-то... что действительно стоит изучить заранее и ни в коем

случае не соглашаться? Или же в нем до сих пор бродит старое чувство вины? Во-первых, это он нанес мне травму средней тяжести, а во-вторых, я не взял тогда в качестве отступного с него почти ничего... ничего, кроме информации, которую он сам считал гроша ломаного не стоящей, но которая помогла разгадать тайну! Однако Ник Ник остался в неведении... или же он все-таки все узнал? И не потому ли я прискакал сюда по первому его зову? Явился, оттого что снова подосзательно жажду пережить нечто подобное прошлогоднему приключению? Типун тебе на язык, Стасов! Только еще одного убийства тебе и не хватало, причем убийства настоящего, а не вымышленного! И ты вовсе не Макс, чтобы противостоять хитроумным козням, разоблачать шпионов, предотвращать ограбления века и ловить террористов! Ты не умеешь стрелять, не владеешь никакими единоборствами и даже свою ленивую задницу до сих пор не удосужился вытащить из кровати, хотя время уже ближе к обеду, чем к завтраку, который тебе полагался, но ты его пропустил!

— Договорились! — стараясь казаться благодарным, говорю я. — Не буду никогда ничего подписывать, не читая! А также читать неподписанное. И вообще ничего не буду читать! Просто так, на всякий случай!

— Я очень ценю в людях, особенно в писателях, чувство юмора! — сдержанно произносит тот, что давал за мою ушибленную голову тридцать тысяч в конвертируемой твердой валюте — куда более твердой, чем моя голова и мои убеждения! Потому что хоть моя голова и выстояла тогда, получив лишь сотрясение, с убеждениями вышло куда печальнее. Убеждения я готов сейчас засунуть в карман, потому что пользы от них никакой, особенно финансовой. И второй данный мне судьбой шанс я никак не желаю упустить. Потому что этот шанс может сработать, подарив мне — пусть временно! — но зато то, что я ценю больше всего: ощущение свободы. Свободы переместиться в практически любую выбранную точку на земном шаре. Путешествия и литература... И пусть литературой то, что я напишу здесь, никак нельзя будет назвать, путешествия, заработанные посредством нее, будут вполне реальны!

Сегодня, сейчас. Мудрость в денежном эквиваленте, или Что означают цифры

— Вот что я задумал, Лев Вадимыч!

Я несколько ошарашеннозираю на своего уже документально подтвержденного работодателя. После первого ознакомления с игрой под названием «гольф» я понял, что она, игра, мне неожиданно понравилась — и так же неожиданно меня захватила, причем захватила до такой степени, что я буквально загорелся желанием остаться здесь подольше и таки освоить все ее премудрости... насколько будет возможно при моих физических данных, конечно! Которые, то есть данные, как оказалось, весьма уступали возможностям моего нового патрона. Я с завистью смотрел, как жилистый и нисколько не уставший за полтора часа моего обучения Ник Ник ловко управляется с клюшками, и все больше ощущал дрожь в ногах и напряжение в пояснице. А также предвкушал, что завтра у меня будут ныть абсолютно все мускулы, если они у меня еще не атрофировались, разумеется! Итак, в результате всего я еще и завидую — отчаянно завидую «пряткому старикашке», который пока что бьет меня по всем позициям: и по части спорта, и по части фантазии. Потому что даже я не додумался бы преподнести в качестве свадебного подарка любимой женщине свою автобиографию! То есть про автобиографию я уже был наслышан — собственно, для литературной обработки одного шедевра я и был приглашен, — но что он собирается подарить это женщине?..

— М-да... — мямлю я. — Интересно!

— Вас что-то смущает? — вскидывается Ник Ник, у которого нюх на интонацию, как у легавой на затаившуюся дичь.

— Буду откровенен: женщинам обычно дарят несколько другие подарки!

— Лин, детка, — ласково обращается Ник Ник к необычайно красивой молодой особе, представленной мне этим утром, — что бы ты хотела получить в подарок: умную книгу или дорогое украшение?

— Наверное, я бы предпочла книгу, — говорит Лин и загадочно улыбается. — Украшение можно потерять, его могут

украсть... А мудрость прочитанной книги остается с тобой навсегда и стоит всех драгоценных камней мира!

«О господи, — думаю я, — вот это ответ! Достойный не очаровательной леди, но античного философа!» Я изо всех сил стараюсь не таращиться на ту, что предпочитает мудрость денежному эквиваленту, но это мне удается из рук вон плохо. Не потому ли, что тут есть на что посмотреть: безупречный овал лица, ровного тона мраморная кожа, изумительный разрез глаз, изящные движения... и брючный костюм на совершенном теле уж точно сидит не как на Светочке — то есть не как на корове седло!

— Вот поэтому из всех возможных подарков я и выбрал именно книгу! — улыбается Ник Ник, и в нем вдруг тоже проявляется что-то восточное: сейчас он похож на излучающего блаженное сияние мудреца.

«Да это же его будущая невеста! — вдруг догадываюсь я. — Он задумал жениться в шестой раз! И я даже буду способствовать этому явлению! Интересно, он не боится, что опять... что снова?..» Вслух, слава богу, ничего из этого я не озвучиваю.

— Лин — мой секретарь, — веско произносит Николай Николаевич и как-то по-особенному смотрит на меня.

Ладно... хорошо... я все понял! Секретарь — значит, секретарь!

— Она — просто незаменимый секретарь! — добавляет он и улыбается. Девушка тоже улыбается — сдержанно, одними уголками губ, и становится еще неотразимее. Она слегка прикрывает веки, и ее густые, длинные ресницы так и хочется сравнить с крыльями бабочки, хотя у меня теперь совсем иные задачи: я приставлен к автобиографии одного из сильных мира сего, как канцелярская скрепка к магниту. Кроме того, мне не должно заглядываться на экзотических красавиц, коими я никогда не буду обладать. Хотя бы потому, что не могу предложить им ничего: ни драгоценностей, ни мудрости! Мне не остается ничего другого, как тоже улыбаться, чем я и занимаюсь. Втроем мы излучаем такую приязнь, что раннее августовское утро за окном вправе нам позавидовать.

— Режим дня будет такой... — не спеша информирует босс. — Начинать будем, пожалуй, в девять... Конечно, это поздновато, но я не хочу переутомлять мою девочку. — Он нежно треплет незаменимую секретаршу по лилейной ручке. — Для женской красоты недосып — первый враг! Тем более что нужно успеть сделать гимнастику, потом пробежку, завтрак... Нет, пожалуй, начинать будем в девять двадцать! Иначе никакой пользы ни от спорта, ни от пищеварения!

Я лично хотел бы начинать в десять двадцать, а еще лучше — в одиннадцать, потому что именно в это время я обычно и просыпаюсь. Презрев спорт и правильное пищеварение. Разумеется, это нехорошо и неправильно, но — увы и ах! — я так живу. Или же это не называется полноценной жизнью?

— Итак, решено: в девять двадцать! Завтра у вас еще выходной день, Лев Вадимович. Ну а понедельник, как известно, день тяжелый... и не пропустить ли по этому поводу нам и его тоже? Что говорят о понедельнике китайцы, моя дорогая? — обращается Ник Ник к девушке.

— В Китае о неблагоприятных начинаниях в понедельник ничего не известно, — корректно начинает Лин. — Вы бывали в Китае, Лев Вадимович?

— Да... один раз. Очень красивая страна.

— Удивительная страна! — восклицает Ник Ник. — Обязательно поедем туда... в свадебное путешествие! Но знаете, что в Китае главное? Чтобы вас не побии метлой! Потому что, если вас побьют метлой, счастья и удачи в этой жизни вам уже не видать никогда!

— Неужели? — искренне удивляюсь я.

— Совершенно верно! — подтверждает Лин. — Такая примета!

— В таком случае я бы вообще запретил употреблять метлы в Китае! — притворно ворчу я, а Лин заливается смехом, словно серебряный колокольчик. — Я не слишком верю в приметы, — неожиданно говорю я, а сам размышляю: не метлой ли шарахнул меня год назад достопочтенный Николай Николаич и не от этого ли развалилась моя столь счастливо начавшаяся личная жизнь?

— А что говорят китайцы о заключении браков? — опрометчиво интересуюсь я, некстати позабыв о правилах хорошего тона, поскольку тут наличествовали жених и невеста, но Лин, кажется, нисколько не смутилась.

— Нехорошо, когда разница между мужем и женой три года или шесть лет. Такие браки недолговечны и даже могут закончиться трагедией, — вежливо информирует она, действительно как вышколенная секретарша, а не как невеста, для которой Ник Ник жертвует немалой толикой своего драгоценного личного времени, собираясь с моей помощью изваять некий приторный свадебный торт.

— Это нам не грозит! — отмахивается патрон. — Хотя стоит задуматься и как следует посчитать... да, посчитать! В Китае слишком много внимания уделяют цифрам! — фыркает он. — Четыре для китайцев — совершенно невозможная примета. Хуже четверки и нет ничего! А вот восьмерка — совсем другое дело. Самая счастливая и желанная цифра! Кстати, я родился восьмого августа. Это значит восьмого ноль восьмого, к тому же еще и в пятьдесят восьмом году!

— Как замечательно! — Лин хлопает в ладоши, радуясь, как маленькая девочка. — Столько восьмерок! Потому и так много успеха!

— Как сказать, как сказать... — скрипит Ник Ник, видимо припомнив всех безвременно почивших жен, даты рождения которых наверняка были далеко не так удачны, — но в моменты заключения предыдущих браков он, вероятно, ничего не знал о коварных китайских знаках! Неожиданно для себя я мысленно желаю Ник Нику всяческого благополучия в новом союзе. Не потому ли, что мне так нравится Лин?

— Удивительно, но в Китае тринадцать и шестьсот шестьдесят шесть — как раз счастливые цифры... даже очень счастливые! — восклицает очаровательная — китайка? или же она просто похожа на китайку? — девица. Кстати, откуда Ник Ник ее взял? Неужели Светочка подкинула?

— Да? — Николай Николаич удивлен не меньше моего. — Ну надо же! А у нас тринадцатого числа никакие переговоры

не назначают, не говоря уж об американцах — у них в отелях даже тринадцатый этаж всегда отсутствует!

— Как это? — недоумеваю я. — Если у них кругом небо-скребы?

— Двенадцатый, а потом сразу четырнадцатый! — пожи-мает плечами Ник Ник. — Как будто от такого переименова-ния что-то может измениться! — брюзжит он.

— Может, — серьезно кивает Лин. — Очень даже может! Я в это верю. — Девушка грациозно склоняет головку: длинная белая шея словно стебель цветка... Господи, Стасов, опомнись! То у тебя бабочки порхают, то лотосы цветут! Этот цветок уж точно не про тебя! По твою душу наверняка явится Серый Волк... да как ухватит за оба бочка сразу!

— Ладно... — нехотя соглашается тот, что привык везде и всюду быть главным. — Если тебе нравится верить в подоб-ную чепуху, можешь верить! Это никому не мешает... Только не забывай, что тут все-таки не Китай!

— То есть приметы действуют территориально? — пытаюсь шутить я.

— Именно! Именно! И ежели у нас верят в черную кошку, пустые ведра и другую чепуху, то тут оно как раз и сбывается. А твой Китай бог знает где... за Великой Китайской стеной!

Снова звучат серебряные колокольчики: похоже, Лин хо-рошо осознает свое положение и будет идеальной женой.

— Давайте отдыхать, господа! — приказывает всем па-трон. — У меня сегодня еще много дел, а вы свободны, и со-ветую вам этим воспользоваться!

— Восток — дело тонкое, Петруха!.. — вполголоса бормочу я, удаляясь в собственные апартаменты, поскольку дела меня пока не призывают и мои собственные выходные действитель-но продолжаются. — Восток — дело тонкое!

***Сегодня, сейчас. Я устроился
и выкобениваюсь, или Развесистый лопух***

Серый Волк действительно не замедляет явиться: стук в дверь — отнюдь не деликатный, — и на пороге возникает мадам.

— Пришла справиться, как ты устроился, — объясняет она.

— А что, может быть еще лучше? — недоумеваю я. — Я не привык к роскоши. Она меня деморализует. И вообще, могла бы поселить меня и в служебном... в целях экономии!

— Николай Николаевич распорядился здесь, — сдержанно отвечает владелица удобств. — Он же за все и платит. Не пойму, чем ты вообще недоволен?

— Я найду, к чему придраться! — обещаю я.

— Когда найдешь, обязательно сообщи, — сухо говорит Светик. — И я все исправлю!

На Сером Волке все тот же совершенно не красящий ее мятый костюм. Да и в целом вид у нее какой-то слишком уж усталый. Внезапно мне становится совестно: мадам сначала постаралась дать мне заработать, затем устроила как можно комфортнее, а я, как последняя скотина, ворочу морду и выкобениваюсь.

— Свет, — мягко говорю я, — вообще-то большое спасибо... и все прекрасно, правда! Просто я действительно не привык. Тут же целые апартаменты! Могла бы выделить и поскромнее...

— Клиент платит, я зарабатываю, — пожимает Светка плечами, но я вижу, что она немного оттаяла.

— Ага, — говорю я. — Наверное, это компенсация за увечья... совесть твоего клиента мучает!

— Я тебя умоляю! — Светка, презрев грацию как явление, плюхается в кресло напротив. — Совесть? У Николая Николаевича? У него только титановые челюсти и лазерный прицел. И никакой совести в принципе!

— Похоже, он нацелился жениться! — начинаю сплетничать я и вдруг вспоминаю, что в подписанных мною бумажках числится пункт о неразглашении личной жизни! Опа! Одно нарушение уже есть, и наказываться оно будет финансово — я припоминаю еще один пункт. «А говоришь, ничего не читаешь, Стасов! — мысленно пинаю я себя. — Язык как помело! Сдалась тебе его бесценная личная жизнь!»

— Возможно... — задумчиво говорит та, что зарабатывает не только сдачей внаем дорогостоящих апартаментов, но также и всей возможной информацией. — Очень даже возможно!

— Только мне нельзя об этом говорить, — не выдержав, сообщаю я. — Контракт подписал.

— Вот так сразу и подписал? Лева, почему ты сначала со мной не посоветовался?

Я выкатываю глаза:

— Мне это и в голову не пришло, если честно! Посоветоваться!

— Зря! — бросает Серый Волк. — Он тебе такого мог навешивать! Контракт у тебя? Покажи! — безапелляционно требует она.

Мое безоблачное настроение, похоже, стремительно портится. Ник Ник, он же приткий старикашка, скорее всего, успел подложить мне свинью, пользуясь моим полным невежеством и усыпив бдительность гольфом и китайской красоткой Лин!

Светка, вздев очки и нахмурившись, придирчиво штудирует документ.

— Угу... — бормочет она и что-то отчеркивает в нем острым ногтем. — Угу! — Сердце у меня окончательно падает. Светик с хрустом перелистывает страницу. — Угу!

— Может, я пока пойду кофе выпью? — потерянно говорю я. — Где автомат, я помню...

— С ума сошел? Какой автомат! Это исключительно для obsługi! Стасов, не забывай, пожалуйста, что ты теперь гость и у тебя все включено... полный фарш! Хочешь кофе — иди в бар... Угу! Иди, иди... сейчас дочитаю эту кабальную запись и тоже приду! Поделюсь... впечатлением!

На негнущихся после утреннего гольфа ногах, чувствуя себя тем самым полным фаршем, причем провернутым дважды, я влекусь вниз по лестнице, печально размышляя о том, почему я такой дурак и какие будут последствия столь опрометчивого подписания.

Бар великолепен. Я прикидываю, что значит «все включено», входит ли в это алкоголь и в каком именно количестве, если входит? Не спросить ли мне водки... джина, коньяку, коктейль «Кровавая Мэри» тоже подойдет! Для успокоения нервной системы... Или же в том самом контракте оговорено, что мне и пить нельзя?! Находясь на работе... Но у меня еще

почти полтора выходных дня! С какого числа действует этот чертов контракт?! С сегодняшнего? Со вчерашнего? С понедельника, который день тяжелый, но только не в Китае?!

— Еще один кофе, пожалуйста! И... рюмку коньяка?.. — полувопросительно говорю я.

— Да, конечно! — бесстрастно соглашается бармен, и передо мной тотчас возникает требуемое подкрепление.

— Мне то же самое!

Кажется, я никогда еще не радовался появлению этой женщины так, как в данный момент! Светка проглатывает содержимое своей посуды одним махом, будто валерьянку, и лезет пятерней в шевелюру, явно демонстрируя полную озадаченность: она словно не в силах сообщить мне плохие новости — и в то же время обязана это сделать... Да, наверное, такого простофили, как я, здесь еще никогда не сиживало! Я в растерянности верчу в руках напиток, благоухающий остро, терпко и пряно... Затем, так и не отхлебнув, пристраиваю его на стойку.

— Еще один! — Она щелкает пальцами, делает изрядный глоток и шумно выдыхает. — Да... ну и денек! Ладно, Стасов, не трепещи. Давай выпьем за успех безнадежного дела!

— А оно что, действительно совсем безнадежное? — севшим голосом вопрошаю я, вглядываясь в безжалостные серо-зелено-карие глаза. «Довыпендривался... — думаю я. — Доподписывался! Доигрался... Неужели же ты не понимал, идиот ты этакий, что с этими людьми нельзя играть вообще ни в какие игры?! И если и влезать в их логово, то только ползком и только когда там лет двадцать как выветрился их хищный дух! А ты еще и строил из себя! “Ничего не читаю, сразу все подписываю!..” Всем доверяю! Додоверялся! Будешь теперь пахать на него забесплатно до окончания своих дней! Вон у Светки и видост какой! Лопух... ну как есть лопух! Развесистый и зеленый!»

— Ладно... — Светка вдруг разевает пасть, полную блестящих, острых белых зубов, и залиvisto хохочет. — Сдрейфил, Лев Вадимыч? — Она пихает меня локтем. — Жить будешь! — бодро уверяет она. — И даже на хлеб с маслом немножко заработаешь... если сможешь. — Мадам снова становится серьезной. Бармен благопристойно уходит на другой конец и не

отсвечивает. — Если не будешь болтать своим длинным языком направо и налево — это оговорено особо, — веско произносит она. — Советую об этом помнить... настоятельно советую! И вообще, Стасов, рекомендую внимательно проштудировать эту бумажку, а еще лучше — выучить ее наизусть!

***Сегодня, сейчас. Уроженец города
Коростень, спертый туалетный бачок,
или Они все-таки купили козу***

— Малыш... — лепечу я во сне. — Малыш... ты вернулась?!

Я протягиваю к Кире, стоящей в распахнутых дверях моей квартиры, руки и... просыпаюсь. Мобильник наяривает не то канкан, не то еще что-то, не менее омерзительное: утро понедельника наступило. Первое утро моей работы. Время — половина восьмого. Наверное, можно было бы поспать еще полчаса, прикидываю я. Это Ник Нику, приткому старикану-таракану, нужно встать ни свет ни заря, потому что у него и цигун, и бег трусцой, и овсянка, которую нужно правильно переварить... вместе со мной! И дела у него, небось, тоже... Не бросает же он свою империю зла совсем без присмотра? Так никому нельзя, даже тем, у кого в дате рождения аж три волшебные восьмерки! Три колеса фортуны...

Я представляю себе фортуны, бодро катящую рядом с Ник Ником на трехколесном велосипеде, и просыпаюсь окончательно. Вчера мы со Светкой изрядно покуролесили, отмечая мой последний вечер вольной жизни. Серый Волк явно пыталась спойть меня — не для того ли, чтобы снова, как когда-то, воспользоваться случаем и влезть в мою постель? Я уже даже начал готовиться к сопротивлению, когда она внезапно оставила меня в покое и переключилась на какого-то мажора, неосмотрительно пригласившего ее танцевать. Ну а я воспользовался моментом и сбежал. Чтобы в одиночестве улечься в свою роскошную двуспальную ладью, тут же отчалившую в страну грез, где до сих пор моим сердцем владела Кира. Женщина, которую я нашел здесь. Нашел и... потерял. Потерял по собственной глупости? Разумеется, да! Ответ положительный,

потому что я мог ее удержать, — так, во всяком случае, мне казалось теперь. Да, я мог — но не удержал. Почему? Да потому что я — чванливый индюк. Спесивый баран. Упрямый осел...

Я чищу зубы, готовясь корчевать пни на околотературной ниве, и вспоминаю весь наличный зоосад: самовлюбленный павиан! Неуклюжий бегемот. Близорукий, недальновидный, прущий напролом носорог. Это все я... я! «И Светка вчера меня тоже бросила!» — вдруг и совершенно некстати вспоминаю я, облачаясь в потертые голубые джинсы и легкую футболку, потому как день обещает быть не просто жарким, а очень жарким. Впрочем, работать мы будем в приятном искусственном микроклимате... или же Ник Ника, как поборника здорового образа жизни, понесет на свежий воздух? В какую-нибудь беседку под дубом вековым? Да, а Светка ускакала танцевать с тем типом, который зачем-то подреб к нашему столику да и умыкнул ее, уже изрядно теплую! Зачем? Ну, может, у них дела... Да какие у нее могут быть дела с двадцатипятилетним мальчишкой? Пусть ему даже и ближе к тридцати? Да никаких, особенно когда рядом маститый прозаик Лев Стасов! Угу... и которому до сих пор снится его последняя, третья жена... Или же, маститый прозаик, ты просто созрел наконец-то излить душу — и тут тебе и обломилось! Светка отчалила и уже не вернулась... хотя ты ее ждал? Да никого я не ждал! Не ври самому себе... ждал! Особенно после того, как она оказала тебе услугу и растолковала все досконально в том самом договоре! Потому что у тебя, мон шер, для такого собственных мозгов не хватает!

— Доброе утро!

— О, Лев Вадимович, приятно, что вы пунктуальны!

Отчего же мне не быть пунктуальным, когда мой номер непосредственно соседствует с его? А с другой стороны — апартаменты прекрасной Лин... и, кажется, они даже имеют смежные двери, потому как красотка-секретарша появилась явно не со стороны коридора!

— Я вам нужна, Николай Николаевич?

Интересно все же, Светкина это питомица, из ее команды или нет? А если нет, то откуда он ее взял — неужели импортировал прямо из Китая?

Літературно-художнє видання

КОСТИНА Наталя
Знайти, щоб втратити
Роман
(російською мовою)

Головний редактор *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губська*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 17.09.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion Pro». Ум. друк. арк. 16,8. Наклад 4000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля».
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, г. Харків, ул. Б. Хмельницького, д. 24. E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»
61052, м. Харків, вул. Різдва, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

КОСТИНА Наталья
Найти, чтобы потерять
Роман

Главный редактор *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губская*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 17.09.2019. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion Pro». Усл. печ. л. 16,8. Тираж 4000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24. E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»
61052, г. Харків, вул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

У багатіїв свої примхи. Мультимільярдеру Миколі забাগлося здивувати молоду наречену незвичайним подарунком — мемуарами про власне життя. І для їх написання він наймає літератора Льва Стасова. Варто було б відмовитися від цієї авантюри, але ні. Львові цікаво, чому такий багатій не міг подарувати своїй коханій якусь коштовну цяцьку? Тим паче в сейфі у Миколи схована гора старовинних коштовностей. Серед них навіть перстень, який, за легендою, належав самій Марії Медічі. Проте одного чудового ранку коштовності зникають. А з ними — і молоденька наречена багатія. Микола дуже засмучений. Одначе не варто забувати, що історія знає багато прикладів, коли загубити — набагато краще, ніж знайти.

Костина Н.

К72 Найти, чтобы потерять : роман / Наталья Костина. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 320 с.

ISBN 978-617-12-6897-5

У богатых свои причуды. Мультимиллиардеру Николаю захотелось удивить свою молодую невесту необычным подарком — мемуарами о собственной жизни. И для их написания он нанимает литератора Льва Стасова. Стоило бы отказаться от этой авантюры, но нет. Льву интересно, почему такой богач не мог подарить своей возлюбленной какую-то дорогую побрякушку? Тем более что в сейфе у Николая спрятана уйма старинных драгоценностей. Среди них даже перстень, который, по легенде, принадлежал самой Марии Медичи. Но в одно прекрасное утро драгоценности исчезают. А с ними — и молоденькая невеста богача. Николай сильно расстроен. Однако не стоит забывать, что история знает много примеров, когда потерять — гораздо лучше, чем найти.

УДК 821.161.1(477)

Каждая девушка мечтает стать Золушкой и попасть в сказку. Однако ждет ли ее там Принц со всеми атрибутами и, главное, будет ли этот Принц добрым? В элитном загородном клубе одновременно оказались целых девять Золушек... а также те, кто желает играть их жизнями. Внезапно от сердечного приступа умирает богатый клиент. Связано ли это событие с одной из девушек и ее прошлым? Правду хочет выяснить писатель Лев Стасов, случайно втянутый в самую гущу событий. У него завязываются отношения, причем сразу с двумя — нет, не Золушками, а вполне зрелыми дамами. Кто станет избранницей Стасова и является ли сердечный приступ убийством?

Жанна убеждала себя: все происходящие неприятности временны. Но эти странные звонки и слежка... Кто-то явно решил превратить ее жизнь в кошмар. Она боялась обратиться за помощью. Боялась, что кто-то начнет копаться в ее прошлом. Следователь Катя Скрипковская решила помочь Жанне. Оказалось, что и звонит, и следит за своей жертвой женщина. Между ними есть некая связь, которую Жанна держит в тайне. Но почему? Катя жаждет понять, какую игру затеяла женщина. Что или кого так тщательно скрывает Жанна? И кто она на самом деле?

